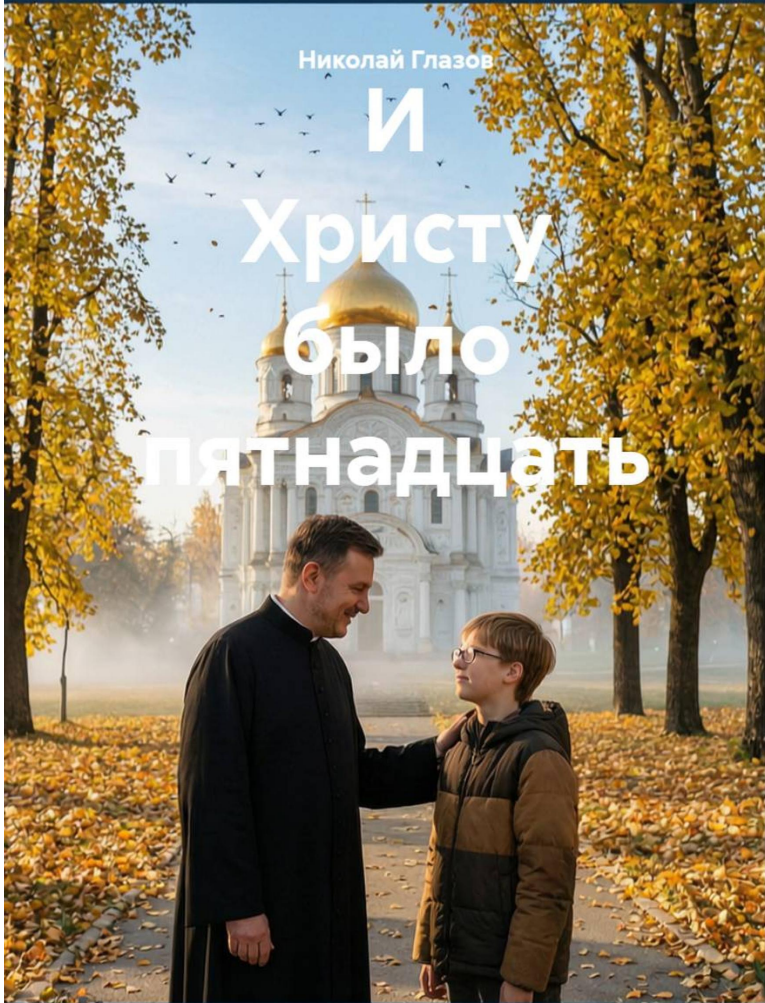

Николай Глазов

И

Христу было пятнадцать

Николай Глазов

И Христу было пятнадцать

<https://litres.ru/74194357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

В жизни отца Никиты — молодого диакона из Владимира — в один вечер рушится всё: его беременная жена Юлия погибает под колёсами автомобиля. В тот же час, на той же дороге, случается ещё одна трагедия — и на руках у потрясённо священника оказывается новорождённый младенец, чудом выживший после гибели своей матери. Так, в один миг потеряв одного близкого человека, отец Никита обретает другого. Он крестит мальчика в честь апостола Матфея и даёт ему имя Матвей — и с этого дня вся его жизнь посвящена воспитанию приёмного сына.

Содержание

Главы	4
Глава первая. Благословенный град	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Глазов
И Христу было пятнадцать
Главы

Глава первая.

Благословенный град

*Эта книга-повесть посвящается моему
близкому и родному человеку: пятнадцатилетнему
мальчику из Нижневартовска Матвею, моему
родному младшему братишке!!!
От Глазова Николая*

Величественный и прекрасный собор во имя Святой Живо-
творящей Троицы издавна величали главным достояни-
ем города Владимира. Он возвышался среди зелёных аллей
парка, словно белокаменный страж, охраняющий покой этих
святых мест. Старые липы и дубы, посаженные ещё при про-
шлом столетии, склоняли свои кроны к серой ленте асфаль-
товой дорожки, разделявшей эту благодатную флору эдем-
ской красоты. Два великих памятника старины окружали бе-
локаменное здание, напоминая каждому проходящему о той
неразрывной связи времён, что соединяет Русь современную
с Русью древней, благочестивой и многотрудной.

Только что с колокольни спускался дьякон Никита. Был он батюшкой с черной легкой челкой, красиво и аккуратно обрамляющей его голову. Обут он был в обычный подрясник, поверх которого виднелось небольшое омофор — знак его сана, который он носил с достоинством и скромностью. Батюшка был простым, добрым и чистым сердцем человеком; вид его не был ни страшен, ни грозен, напротив — в нём чувствовалась та особая мягкость, что приходит к людям, посвятившим свою жизнь служению Богу и ближним.

Глаза Никиты выделялись сочетанием азиатской внешности и русского былинного склада: не особо узкие и не особо широкие, они смотрели на мир с той спокойной мудростью, которую невозможно приобрести иначе как через долгие годы молитвы, размышлений и ежедневного труда на ниве Господней. Телосложение у него было богатырское — плечистый, широкий в кости, он производил впечатление человека, способного не только духовно укрепить прихожанина, но и физически защитить, если потребуется. Впрочем, в мирной жизни отцу Никите редко доводилось обнажать свою силу — он предпочитал силу слова и доброго совета.

Рядом с ним шла его жена Юлия — неземная красавица с длинными чёрными локонами, которые, казалось, светились на солнце. Волосы её величали девичью красоту, а

кроткое выражение лица выдавало редкое внутреннее расположение духа. В ней чувствовалась пламенная любовь к мужу, чистая душа, искренняя и глубокая преданность Богу и Христу. Она была той женой, о которой говорят: «Нашёл муж добрую жену — и получил благодать от Господа». Их брак был заключён на небесах, и каждый день, прожитый вместе, лишь укреплял это небесное единство.

Уже спустившись с колокольни, отец Никита направился в алтарь, чтобы подготовиться к совершению всенощного бдения. Этот вечер был особенным — канун воскресного дня, когда православные христиане собираются в храмах, чтобы общим пением и молитвой прославить Воскресшего Спасителя. Батюшка любил это время: тишина пустого храма, мерцание лампад, запах ладана и воска, ощущение благодатного присутствия, которое всегда особенно остро чувствуется перед началом службы.

В храм прибежал десятилетний Артёмка — мальчик с русыми волосами, простой деревенской душой да чистым добрым сердцем. Его голубые глаза читались глубинной простотой и той особой змеиной мудростью, о которой говорит Спаситель: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Красивая рубашка беловатого цвета и классические штанишки выдавали примерного ребенка, в котором с малых лет сочетались жертвенная пламенная любовь к Богу,

искреннее желание служить Ему с самого младенчества и предстоять престолу Владыки Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Мальчишка этот на вид казался обычным ребёнком, но в нем уживалась детская непосредственность с порой непослушным видом и всеми прочими свойствами, присущими всякому здоровому отроку.

— Батюшка, а можно мне сегодня на клиросе стоять? — спросил Артёмка, подбегая к отцу Никите.

— Можно, Тёма, можно, — ласково ответил старший дьякон, поглаживая мальчика по голове. — Только не шали и слушайся регента. Понял?

— Понял! — радостно воскликнул Артёмка и умчался в сторону клироса, где уже собирались певчие.

Отец Никита с улыбкой проводил мальчика взглядом. Артёмка был не его родным сыном, но в этом приходе все дети были для батюшки родными. Он крестил их, исповедовал, причащал, благословлял на добрые дела — и каждый из них занимал частичку его сердца. Особенно Артёмка, мальчик из многодетной семьи, который проводил в храме больше времени, чем иные взрослые прихожане.

Началось всенощное бдение. Отец Никита, облачившись

в праздничные ризы, вышел из алтаря и начал каждение храма. Синие струйки ладана поднимались к куполу, смешиваясь с тёплым светом сотен свечей. Голоса певчих лились стройно и слаженно, вознося к небу слова псалмов и молитв. Прихожане крестились и кланялись — кто-то сосредоточенно, кто-то с рассеянностью, но все они были здесь, в этом благословенном месте, чтобы на время забыть о мирских заботах и соединиться с вечностью.

Всенощное бдение подходило к концу. Отец Владимир, настоятель собора, вместе с Артёмкой закрыли царские врата. Отец Никита стал разоблачаться, оставшись только в обычном подряснике. Сняв верхнюю одежду и оставшись в простой кофте с военной тематикой да в небольших сезонных джинсах, он выглядел уже не как дьякон при исполнении, а как обычный человек — уставший после долгой службы, но всё ещё полный душевного тепла.

Артём подошёл к Никите:

— Бать, поиграйте со мной!

Отец Никита, добрый сердцем, отказать не смог. Они вышли из храма в парк, где уже сгущались вечерние сумерки. Батюшка кружил мальчика, подбрасывал его к небу, ловил на руки, и оба они смеялись — искренне, радостно, как буд-

то были отцом с сыном. Артёмка визжал от восторга, а отец Никита, играя, пребывал в молитве. В душе он тихо шептал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Играл с Артёмом, видел его улыбки, слышал его звонкий смех — и мысленно обращался к Богу с самой сокровенной своей просьбой.

«Господи, — думал он, — как бы я хотел иметь родного сына... Вот уже несколько лет мы с Юлией молим Тебя о ребёнке. И вот — чудо! — она беременна. Врачи говорят — первая степень беременности. Как же это радостно! Как же это благословенно! Если она сможет родить, если родится здоровый малыш... Господи, сохрани их, умоляю Тебя!»

В этих мыслях отец Никита разбудил внутренний монолог, пока играл с ребёнком. Юлия тем временем отправилась потихоньку домой хлопотать по хозяйству. Она любила своего мужа, любила его тихо и глубоко, без лишних слов и жестов. Её любовь была той самой, о которой сказано: «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится». Она ждала ребёнка и уже мысленно готовила приданое, представляя, как будет пеленать малыша, как будет качать его на руках и петь колыбельные.

Как вдруг, ни с того ни с сего, раздался телефонный звонок. Пронзительная трель ворвалась в тишину вечернего

парка, нарушив идиллию. Батюшка достал свой смартфон и посмотрел на экран: звонил неизвестный номер. Что-то ёкнуло в груди — тревога, смутная, неясная, но оттого ещё более острая. Он взял трубку, поднёс к уху и услышал:

— Здравствуйте, Никита Сергеевич! Вас беспокоят из третьей районной больницы. К сожалению, мы вынуждены сообщить вам... ваша супруга Юлия Сергеевна сегодня умерла. Её сбили по дороге, и она скончалась от полученных травм. Приносим наши глубочайшие соболезнования...

Трубка издала протяжный телефонный вой — или это в ушах у батюшки зазвенело от внезапной пустоты? Мир подкосился под ногами. Казалось, вся вселенная рухнула в одно мгновение, обратившись в хаос и тьму. Отец Никита не знал, что делать и как дальше жить — но он был дьяконом, и в глубине души, там, где обитает вера, теплился слабый огонёк надежды.

«Слава Богу за всё!» — выдавил он из себя, и голос его прозвучал глухо и надорванно. Артёмка, ничего не понимая, смотрел на батюшку широко раскрытыми глазами:

— Бать, а что случилось?

— Ничего, Тёма, ничего, — ответил отец Никита, чув-

ствуя, как внутри него поднимается буря океана боли, несчастья и страдания. — Иди домой, сынок. Иди к маме.

Он оставил мальчика и медленно, словно сквозь густую воду, направился к автобусной остановке, выходя из парка. Всё, что он мог сейчас произнести, было одно: «Слава Богу за всё! Слава Богу за всё!» — и эти слова, сказанные устами, были единственной молитвой, на которую он был способен в этот страшный час.

Дойдя до остановки, отец Никита сел на скамейку, не чувствуя ни холода вечернего воздуха, ни времени, ни пространства. Внутренний монолог, мучительный и беспощадный, рвал душу на части. «Как же теперь я ребёнка-то смогу воспитать? — думал он. — Юлия должна была родить... Она была так счастлива... А теперь? Господи, зачем Ты забрал её? За что? Я служил Тебе верой и правдой... Неужели я так согрешил, что Ты решил наказать меня таким образом?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.